

— Кто это, черт возьми? —
Крякнул Амос Декер, вырванный из недр сна. И ведь уснул-то куда глубже, чем удавалось обычно! Бессонница усугубилась, отнюдь не благоприятствуя его и без того непредсказуемому темпераменту. Он даже не глянул на номер телефона на экране, прежде чем ответить. При его роде занятий позвонить могут в любое время дня и ночи, и далеко не всегда абоненты из его списка контактов.

— Амос, это Мэри Ланкастер, — послышался негромкий дребезжащий голос. — Ты меня помнишь?

С кряхтением сев в постели, Декер потер небритое лицо и увидел на экране, что уже почти три часа утра.

— Раз уж я практически не способен забыть что бы то ни было, как же могу я забыть тебя, а, Мэри? — Он хлопал себя по щекам, стараясь разогнать туман, окутывающий сознание. И тут же мысленно уцепился за время звонка — тревожный сигнал уже сам по себе. Напряженным голосом добавил: — Мэри, что-то стряслось? Почему ты вообще в такой час на ногах?

Мэри Ланкастер была раньше напарницей Декера в Берлингтонском департаменте полиции в Огайо. И еще тогда ей диагностировали раннюю деменцию. Болезнь вошла в штопор, а деградирующий мозг потащил за собой на дно все остальное.

— Я в норме. Не могла уснуть.

Судя по голосу, Декер не сказал бы, что она в норме. С другой стороны, он не говорил с ней уже давненько, и может быть, сейчас это ее норма.

— У меня тоже с этим проблемы.

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

— Я просто хотела услышать твой голос... Почему-то как раз сейчас мне показалось это очень важным. Я просто набиралась храбрости позвонить тебе.

— Ты можешь звонить мне, не заморачиваясь, даже среди ночи.

— Понять время так трудно, Амос, — ночь, а потом день... Впрочем, теперь мне уж трудно понять все на свете. И... это так жутко пугает, потому что... каждый день кажется, что... от меня остается... в-все меньше и меньше.

Он вздохнул — трагическая искренность ее слов задела его за живое особенно сильно.

— Знаю, Мэри. Понимаю, почему ты так чувствуешь.

— Да, я так и думала, что *ты* поймешь.

Ее голос чуть окреп. Декер надеялся, что это добрый знак.

Он прислонился к скрипучей спинке кровати, словно ища опоры у дерева при таком неожиданном повороте событий. Оглядел тесные пределы своей крохотной спальни. Декер прожил тут девять лет, но комната выглядела так, будто он только-только въехал или просто остановился проездом.

Он консультант в ФБР. Давным-давно, профессионально играя в футбол, Декер получил почти смертельную травму головы, и его изменившийся мозг приобрел два новых качества, о существовании которых он до той поры и не подозревал, не имея к тому ни малейших оснований — гипертимезию, то есть безупречную память, и синестезию, заставляющую его сопоставлять определенные вещи с немислимыми цветами. В его случае трупы ассоциируются с оттенком цвета электрик. Распростившись с карьерой футболиста, Амос стал полицейским в родном городе, поднявшись до поста детектива, так что видеть трупы ему было не в диковинку.

Они с Ланкастер успешно сотрудничали в расследовании множества дел. Безупречная память для детектива — божий дар, но для человека — тысяchefунтовое бремя. Время не лечит ни малейшей из его прошлых горестей. А уж если на то пошло, то лишь усугубляет.

ДЛИННЫЕ ТЕНИ

Жил он на квартире в Вашингтоне, округ Колумбия, в здании, принадлежащем его другу Мелвину Марсу. Декер был первым, с кем Марс встретился, оказавшись в камере смертников в Техасе. Он доказал невиновность Марса, и тот получил солидные отступные за неправомерное лишение свободы. Часть барыша он потратил на покупку многоквартирного дома, а недавно женился и перебрался в Калифорнию.

Бывшую напарницу Декера по ФБР Алекс Джеймисон перевели в Нью-Йорк, где она вроде бы обрела любовь в лице инвестиционного банкира с Уолл-стрит. Его прежний фэбээровский начальник Росс Богарт подал в отставку и теперь учится играть в гольф — по слухам, скверно — в Аризоне.

Значит, теперь Декер остался один. Он знал, что этот день настанет. Так что звонок от старой напарницы был ко двору даже в этот час.

— Как ты, Мэри? В смысле, по-настоящему, как ты?

— Так себе. Каждый день как... испытание.

— Но голос у тебя нормальный.

— Хочешь сказать, что способна связать два слова?

Мм-медикаменты с этим помогают... порой. Сейчас как раз такая пора. Я... обычно не такая. Я обычно... *не* нормальная.

Амос решил направить разговор в другое русло.

— Как там Эрл и Сэнди? — То есть муж и дочь Мэри. — Спят, наверное...

— Выбрались в Кливленд навестить мать Эрла. Ей нездоровится. Наверное, долго на этом свете не протянет. Она старая и вообще-то слабоумная, как я.

— Мне ты не кажешься слабоумной, Мэри.

— Да, ну...

— Погоди, если они в Кливленде, кто же остался с тобой? — Когда он навещал ее в последний раз, ей помогала сиделка.

— Как раз сейчас я в норме, Амос. Я тут в полном порядке.

— Уж и не знаю, Мэри... Какое-то у меня недоброе чувство на этот счет.

— Тебе вовсе незачем тревожиться обо мне.
Послушать — так почти прежняя Мэри. Почти.
Но было тут что-то еще, и это что-то Декеру совсем не
нравилось.

ГЛАВА 2

Амос опустил свои большие ступни на холодный деревянный пол.

— Я имел в виду, что хочу навеститься к тебе в гости. Давненько уж не видались. Но говоришь ты лучше... чем в прошлый раз.

— Да, давненько. Слишком давно. Но не ты. Я.

Выпрямившись, Декер устремил взгляд за окно, на огни города, лениво подмигивающие ему из темноты.

— Я... э... я не понял. Наверное, еще не оклемался от сна, — добавил он в качестве объяснения, хотя она несла какую-то бессмыслицу.

— Это... эта ужасная штука у меня... в голове. Это... ужасно.

— Знаю, Мэри. И хочу, чтобы тебе не приходилось с ней терзаться. — Он замолчал, мучительно подыскивая более участливые слова, но эта задача была бы не в тягость его прежней личности — и почти невыполнима для нынешней. — Я... хотел бы, чтобы было лекарство.

— И для тебя тоже, — откликнулась она. — Для тебя лекарства тоже нет.

В этих словах Амос ощутил ее стремление нащупать некий уровень солидарности с ним в болезнях разума, которые в конечном итоге доведут до края обоих.

— В этом отношении мы очень похожи, — согласился он.

— Но еще и *не* похожи, — парировала она тоном, который до сих пор в ход не пускала; во всяком случае, он так это воспринял.

Не зная, что на это ответить, Декер попросту промолчал. Просто сидел, слушая по телефону ее дыхание. И чувствовал, как в воцарившемся безмолвии что-то назревает,

ДЛИННЫЕ ТЕНИ

как подъемная сила самолета, готового вот-вот оторваться от земли. И уже собрался было нарушить молчание, когда это сделала Мэри.

— Это продолжает меняться? — спросила она приглушенным, сдержанным тоном.

Декер прекрасно понял, что она имела в виду.

— Похоже на то. Но меняется рассудок каждого, Мэри, здоров он или нет. Нет ничего статичного. Нормально это или нет, что бы там ни называлось *нормой*.

— Но ты единственный из всех, кого я знаю, кто по-настоящему... кто, вероятно, может понять, что я испытываю.

В трубке раздался какой-то звук, словно Мэри стучала себя по голове, пытаясь вышибить засевшую там хворость, медленно убивающую ее. Декер пытался отыскать какие-нибудь слова, чтобы снова втянуть ее в разговор.

— Но я думал, ты ходишь на консультации. Мне это помогло. Они могут помочь.

— Я консультировалась. Но потом перестала.

— Но почему? — выдохнул он, чувствуя нарастающую тревогу.

— Мне сказали всё, что мне нужно знать. А дальше это стало пустой тратой времени. А я не могу терять время, Амос, ни единой *гребаной* секунды. — Она позволила грубому эпитету зависнуть в эфире, как дым из оружейного дула после выстрела.

— Мэри, прошу, дай мне понять, что не так. Я же чувствую, что-то случилось.

— Сегодня я забыла Сэнди, — выпалила она резко, как пистолетный выстрел. — Прямо перед тем, как они уехали в Кливленд. Я ее забыла.

— Люди забывают имена то и дело, Мэри, — с некоторым облегчением проговорил Декер, ощутив, что именно к этому и должен был разговор привести в конечном итоге. Но изменил мнение, едва она заговорила вновь:

— Я не забыла ее имя. Я... я забыла, *кто* она.

Последовала очередная затяжная пауза, во время которой слышалось лишь женское дыхание, а после всхлип — сухой и затяжной, как удушье.

— Мэри, а ты...

Но она продолжила, словно не слыша его:

— Я просто вспомнила ее перед тем, как тебе позвонить. И только потому, что смотрела на ее фото с надписанным именем. Я забыла, что у меня есть дочь, Амос. Какое-то время никакой Сэнди Ланкастер для меня не существовало. Ты можешь понять, как... это ужасно?

Он почти чувствовал, как по ее увядшим щекам сбегают слезы.

— Я вплотную подошла к... к небытию. Больше никогда. Забыла собственное дитя. Свою плоть и кровь.

— Тебе не стоит быть одной, Мэри. Я помню, что ты сказала, но не могу поверить, чтобы Эрл...

— Эрл не знает, что я тут одна, — перебила она. — Ему бы это не понравилось. *Обычно* он очень заботится об этом.

Декер встал, оцепенев от подавляемой тревоги. В ее ответе сквозила скрытность и, что куда хуже, равнодушное торжество победителя. Его прошибло липкой испариной.

— Тогда кто же с тобой? Сиделка?

— Была, но я вынудила ее уйти.

— И как именно тебе это удалось? — озадаченным тоном проговорил он. — Она не должна была...

— У меня есть ствол, Амос. Мой старый служебный, автоматический. Я не держала его в руках много лет. Но он ложится в руку как влитой. Я вспомнила комбинацию оружейного сейфа, представляешь! После того как забыла практически все на свете, я вспомнила это. Наверное, то было... своего рода *знамение*, — вскользь добавила она.

Каждый мускул Декера невольно напрягнулся.

— погоди минуточку, Мэри. Только погоди...

— Я направила пушку на нее. И она смылась, и очень быстро. Прямо перед тем, как я позвонила тебе. Видишь ли, я ее разбудила. Пушкой. Очень бодрит, пробуждает прям-таки мигом, сам знаешь...

Это *разбудило* Декера так, что мало не покажется. Его взгляд отчаянно заметался, пока он пытался придумать что-нибудь, что угодно.

ДЛИННЫЕ ТЕНИ

— Слушай, Мэри, сейчас же положи ствол, просто положи. А потом пойди и сядь от него как можно дальше, просто закрой глаза и сделай несколько глубоких вдохов. Я пришло кого-нибудь через пару минут. Нет, через *минуту*. Всего одна минута, и помощь подоспеет. Я не стану отключаться. Оставайся на линии. Я поставлю тебя на ожидание всего на секундочку...

Она пропустила все это мимо ушей.

— Я забыла мою дочь. Я забыла С-сэндю.

— Да, но потом вспомнила. В этом и суть. Это... Ты должна держать...

Декер схватился за грудь. Дыхание стало неровным, пульс истошно бухал в ушах взрывчатым биением расхлябанных поршней. В боку закололо, словно он пробежал длинную дистанцию, хотя не сделал ни шага. Амос чувствовал дурноту, зыбкость и... беспомощность.

Он лихорадочно соображал. Сиделка наверняка позвонила в полицию. И они наверняка уже в пути.

— А завтра? — бросила Мэри, прервав эти мысли. — Вспомню я ее завтра? Или Эрла? Или тебя? Или... себя? Так какая разница? Можешь ты мне это сказать?

— Мэри, послушай меня...

— Она так плакала, моя маленькая девочка! «Мамочка не знает, кто я...» Повторяла это снова и снова. Такая печальная, такая несчастная... Это я ее довела. Мою собственную девчужечку. Как можно ранить того, кого так любишь?! — В ее голосе зазвучали жесткие, беспощадные нотки без тени милосердия, и кровь в жилах Декера застывала.

— Слушай меня, Мэри, слушай внимательно, лады? Ты справишься с этим, поняла? Я помогу тебе с этим справиться. Но сперва ты должна положить оружие. Сейчас же.

Декер уперся ладонью о стену, чтобы не упасть. Представил себе пистолет в ее руке. Быть может, она в раздумье смотрит на него... Пол под его ногами казался податливым, шатким, как палуба корабля в бурном море. Амос обшаривал свою память в поиске слов, могущих оттолкнуть ее от

пропасти, на краю которой она балансирует; слов, заставляющих ее положить миниатюрный автоматический пистолет, из которого она за свою профессиональную карьеру убила не меньше одного человека, как ему известно. Если б он только мог откопать слова, способные завершить этот эпизод благополучно, когда всё запросто может скатиться в противоположном направлении...

Декер уже открыл было рот, чтобы убедить ее дожждаться помощи. Все доводы у него были уже наготове, и он собирался пустить их в ход. Они заставят ее положить оружие, в этом нет ни малейшего сомнения.

Но тут он услышал то, чего всей душой не желал слышать.

Единственный выстрел, сделанный — как он считал, потому что знал Ланкастер — исключительно тщательно и с экспертной точностью. В качестве точки входа она избрала висок, подбородок или открытый рот. Результат гарантирует любая из них.

А потом раздался гнетущий глухой стук тела Мэри, повалившегося на пол. Несомненно, она мертва. Ланкастер всегда была докой в планировании с прицелом на результат. Подобные люди не промахиваются, убивая себя.

— Мэри? Мэри! — крикнул он в трубку. Ответа не было, и энергия схлынула. «Чего ты орешь? Ее уже нет. И ты это знаешь».

Привалившись к стене, Амос позволил силе тяготения доставить его тело на пол, подобный тому, на котором сейчас лежит труп Ланкастер.

Он жив. Она — нет. Прямо сейчас для него эта разница абсолютно несущественна. Он сидел в комнатушке, озаренной электрической синевой смерти, коснувшейся его, дотянувшейся почти через тысячу миль.

Годы назад Амос Декер был в сантиметре от того, чтобы спустить курок, выстрелив себе в рот и закончив свою жизнь.

Но прямо сейчас часть его так же мертва, как Мэри Ланкастер.

«Пепел к пеплу, прах к праху. И всякая прочая хрень», — подумал Декер.

Этим всегда и кончается. Этим — и глубокой, беспощадной ямой, заполняемой землей. Амос, облаченный в костюм, обычно чувствующий себя комфортно только в джинсах или помятых хаки и свободной фуфайке, взирал в грядущий вечный приют в земле. Скоро его заполнят упрятанные в ящик останки Мэри Ланкастер.

День в Огайо выдался зябкий. С неба сеялась мелкая морось. Совершенно нормальная весенняя погода для этих краев — рудименты зимы, липнущие к запотевшим стеклам, как усыпанная росой паутина. Толпа собралась изрядная: Эрла и Мэри Ланкастер знали и любили многие, а Сэнди завела в школе немало друзей и подруг. Декер окинул взглядом многочисленных бывших сослуживцев из местных сил правопорядка, угрюмо уставившихся в землю.

Алекс Джеймисон была на задании и приехать не могла, но прислала карточку, выразив соболезнования. Росс Богарт поступил точно так же, присовокупив цветы. Они знали Ланкастер не настолько хорошо, но Декер все равно жалел, что их нет рядом. Обычно он чуждался компании, но не сегодня.

Гроб был закрытым. Выстрел, направленный вверх через небо, поставил крест на чудесах косметики гробовщика, а вместе с ними и на возможности выставить Мэри Ланкастер на обозрение.

Декер поглядел на землистое, враз постаревшее лицо Эрла Ланкастера, с потерянным видом сжимавшего руку дочери Сэнди, подростка с задержкой умственного развития. Взгляд девочки стрелял туда-сюда, постигая мир собственным уникальным образом. Вероятно, она воспринимает смерть не так, как остальные, понимал Амос, и это, пожалуй, хорошо — во всяком случае, пока. Но в какой-то момент в будущем она осознает, что матери нет, и будет гадать, когда же она вернется. И Декер не завидовал Эрлу, которому придется растолковывать, что же произошло на